

© 2001 г.

П. ШТОМПКА

КУЛЬТУРНАЯ ТРАВМА В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

(статья вторая)

ШТОМПКА Петр - профессор Ягеллонского университета (Краков, Польша).

Концепции культурной травмы ниже иллюстрируются материалом о крахе коммунистической системы в конце 80-х гг. на примере Польши, касающемся также стран Восточной Европы и бывшего СССР. Коммунистическая система и советское господство после Второй мировой войны вызвали у большинства польского общества глубокую травму. Противоречия национализму, католицизму и прозападной ориентации поляков, они создали стойкое культурное напряжение, выражавшееся в неоднократных вспышках недовольства, открытого неповиновения, оппозиционных движений и попытках реформ. Стал поговоркой "Польский календарь", - даты противоборства с чуждой системой: июль и сентябрь 1956, март 1968, декабрь 1970, ноябрь 1976, август 1980 г. Популярной стала шутка, что в "Польском календаре" больше нет свободных месяцев для возможных в будущем событий. Не рассматривая "травму коммунизма" и ответные социальные реакции, описанные Экертом [12], я начну со свержения режима, восстановления суверенитета и провозглашения демократии, а затем преодоления "коммунистической травмы". Парадокс, но победа породила новое напряжение - "посткоммунистическую травму" - предмет моего анализа.

Большинство исследователей считают началом революционного процесса, приведшего к свержению режима, выступление движения Солидарность в августе 1980 г. Оно было подавлено во время военного положения (декабрь 1981 г.); режим был еще силен, чтобы защитить себя, включая возможность силового решения — советской военной интервенции. Гласность и перестройка, отказ Горбачева от использования силы для защиты коммунистических режимов резко изменили баланс сил. Демократическая оппозиция в Польше перегруппировалась, сплотилась, восстановила сеть организаций, применяя испытанные методы (стачки, сидячие забастовки, марши протеста) и переходя к более рискованным акциям, поляризовала компартию, приобрела там союзников - растущее либеральное крыло, решительно противившееся жесткой политике.

Непрекращающееся давление, более профессиональное и организованное, чем прежде, отсутствие поддержки Москвы и ослабление правящей партии заставило режим отступить, пойти на компромисс и сесть с оппозицией за "круглый стол" в начале 1989 г. Переговоры привели к заключению соглашения, защитившего политическую роль коммунистов, но давшего и оппозиции возможность войти в правительство. Первые демократические выборы после Второй мировой войны (июнь 1989 г.)

Статью первую см. в № 1 с.г.

принесли полную победу оппозиции. Коммунисты получили чуть более 35% мест, по договоренности закрепленных за ними независимо от исхода выборов. Большинство мест получили демократические силы, сплотившиеся вокруг Солидарности. Коммунисты признали поражение. Солидарность и демократические группы сформировали правительство. Компартия самораспустилась. Сорок четыре года власти коммунистов в Польше закончились. Падение коммунизма драматически повлияло на судьбы сотен миллионов людей. Это был коренной перелом во всех сферах жизни: работа и потребление, образование и отдых, участие в политике и религиозность, медицинское обслуживание и средства массовой информации. Для большинства это были желанные перемены, о них мечтали, за них боролись столько лет. Отсюда энтузиазм, радость, волнение, когда пала Берлинская стена, а в Польше победили демократы.

Вначале был полный консенсус культурных определений и интерпретаций. Основным значением того времени для большинства поляков стало "освобождение". По определению И. Берлина, люди радовались "запретной свободе" или "свободе от..." [8], были счастливы свободе от иностранного господства, деспотизма политической системы, нерационального центрального планирования, от стресса повседневной "экономике дефицитов", от скуки подцензурных СМИ. Обозреватели тогда писали о массовом "бегстве с Востока" из железных объятий Азии. Гораздо менее очевидной представлялась "свобода чего-то" [8]: открывшиеся права и обязанности, возможности и ограничения, жизненные шансы и ноша, привнесенные иной системой, к которой они шли. Как правило, идеализируемое понятие "Запад", "Европа" - синоним свободы, счастья, процветания и изобилия, - заменяло реалистическое видение будущего у лидеров оппозиционных движений и новой политической элиты. Порой казалось, что они не готовы к конструктивным реформам экономики с учетом местных традиций и коммунистического наследия. Их политическая и экономическая программа порой ограничивалась стремлением применить "опробованные западные решения", - механически копируя институты развитых стран.

Поддержка и энтузиазм освобожденных масс создали возможность имплантации западных институтов. Была создана инфраструктура демократии, рыночной экономики и свободомыслия. Парламент, партии, конституционный суд, чиновники, рассматривающие жалобы граждан на других чиновников - в политике; частные корпорации, банки, фондовый рынок и брокерские фирмы — в экономике; множество газет, частные теле- и радиоканалы - в сфере СМИ. Эти институты приняли радикальные решения о переходе к капиталистической экономике. В Польше "шоковую терапию" реализовал "план Бальцеровича" (экономист, заместитель премьер-министра и министр финансов в первом демократическом правительстве): либерализация цен, отмена трудовых и социальных привилегий и государственного контроля с 1 января 1990 г.

Организационный каркас и институты демократического капитализма создали достаточно быстро. Но для успешного его функционирования требовались воля, способность и компетентность акторов, выросших в определенной культуре. Говоря проще, нет демократии без демократически настроенных и компетентных граждан, нет капитализма без подготовленных предпринимателей, нет открытого обмена идеями без заинтересованных участников. Эти добродетели - отражение доминирующей культуры; усвоенное индивидами воплощение культурных требований. Таким образом, культурные изменения и, как следствие, изменение склада ума, жизненных позиций и мотиваций социальных акторов - необходимая часть реформы институтов. Для устойчивого развития посткоммунистические общества должны преуспеть в культурной трансформации. Их базовая проблема связана с аксиомой социологии: сфера культуры инертна, меняется гораздо медленнее, сопротивляется переменам гораздо сильнее, чем любая другая область. Модели мышления и "привычки сердца" [6], наследуемые от режима коммунистов, действуют много дольше, чем его институционно-организационный каркас. Прежние культура и образ мыслей преследуют посткоммунистические общества долго после смерти старых институтов.

В первом приближении культурный пейзаж выглядел так. Существовал распростра-

ненный, исторически унаследованный репертуар выработанных при прежнем режиме культурных правил, его можно обозначить как "habitus". Это было остаточным эффектом идеологической обработки или защитной реакцией на нее. Пример первого рода: поддержка уравниловки, подозрений, "незаинтересованная зависть" [16] к более способным и успешным, позитивное отношение к патернализму и всемогущему государству, анти-элитизм, анти-интеллектуализм. Пример второго рода: оппортунизм, двойные стандарты, привычная практика нарушать правила, установленные режимом, оценка неповиновения как добродетели. Эти механизмы воплощены феноменом, именуемым "Homo Sovieticus" [28, 27].

Появились зерна иной культуры, функционально востребованной институтами демократии и капитализма, хотя не хватало людей, культурно готовых действовать в новом организационном контексте, обладающих "цивилизационной компетентностью" [25] капитализма и демократии. Столкновение несовместимых культур означало для большинства, что привычные стили жизни неэффективны и контрпродуктивны в новой системе. В то же время новые культурные правила казались им чуждыми, навязанными. То есть, эти люди обнаружили "цивилизационную некомпетентность"; не все приняли новые культурные правила и готовность быть вознагражденными за эффективность действий в новой среде. Они платили за это фрустрацией от стычек с сохранявшимися бюрократией, волокитой, подозрительностью, завистью.

Анализу этих несовместимых культурных феноменов помогает теоретическая стратегия бинарных "дискурсов" Дж. Александера [1, 2, 3]. Перефразируя его, скажу, что культурный "дискурс реального социализма" радикально противоположен "дискурсу появляющегося капитализма". Оба дискурса различаются по параметрам: а) коллективизм — индивидуализм; б) частное - общественное; в) прошлое - будущее; г) рок - человеческая активность; д) свобода - последствия (иными словами - "свобода от" и "свобода чего-то"); е) мифы - реализм; ж) эффективность - справедливость. Обсудим их психологические и поведенческие значения.

"Блоковая культура" вырабатывала коллективизм. Индивид считался носителем заранее поставленных планов, подчинялся обществу, приносился в жертву будущему; не мог противопоставить свои права коллективу; личная ответственность была размыта, в просчетах обвинялись внешние обстоятельства. Господствовала заурядность, и обычно стратегией адаптации было "не высовываться", раствориться в окружении. Новая капиталистическая культура радикально меняла приоритеты. В центр стал индивид; его права, но с ними обязанности; он сам борется за личный успех, демонстрирует состоятельность, оценивает свой статус, сравнивая себя с другими, отвечая за достижения и неудачи. Мастерство и личные заслуги вознаграждаются и социально одобряются.

Другим культурным кодом, упорядочивающим мысли и действия при социализме, было противопоставление жизни частной (личной) и общественной (официальной). Противопоставление шло по линиям "общество - власть", "нация — государство", "люди - правители", "мы - они". Защитной реакцией на политизацию жизни и стремление властей контролировать все сферы жизни был уход в частную жизнь. Частная сфера - область добра, добродетели, достоинства, чести. Общественная - область зла, порока, презрения, стыда. События частной сферы возвышают, контакт с общественной сферой "пачкает" [1, 2]. Центры власти видятся как чуждые и враждебные; правительство - как арена заговоров, обмана, цинизма или - минимум - глупости, неэффективности. "Победить систему", перехитрив власти и обойдя запреты, правила, законы, - одна из самых распространенных добродетелей. Успех мошенника - объект восхищения и зависти. Эгоизм, попытки присвоения общественного добра и тактика "грабь и беги" ради сохранения своего достатка, по меньшей мере, прощаются. Государство, отвечающее за здравоохранение и безопасность, обвиняется за все личные неудачи. С другой стороны, личные связи, общение, отношения на работе, с друзьями, дома - идеализируются. Культурные "привычки сердца", востребованные после 1989 г., радикально иные. Демократия требует "республиканских добродетелей"

и "гражданской культуры": общественные обязательства, заинтересованность в делах общества [6, 7], готовность участия в жизни общества, инициативность, лояльность к политическим институтам.

Третья дихотомия культуры противопоставляет прошлое будущему. При "реальном социализме" люди прославляют, идеализируют прежние времена, будущее для них мрачно. Фраза "до войны", Второй мировой войны, после которой в сфере советского влияния был установлен социализм, означала лучшие времена. С началом оппозиционных выступлений и антикоммунистической революции все хотели вернуться к институтам и традициям прошлого скорее, чем строить будущее. Ю. Хабермас определил климат ностальгии термином "исправляющая революция" [14, р. 4-5]. Культурные запросы новой системы фундаментально иные. Капитализм ориентирован на будущее, проникнут тенденциями активности и прогресса. Рыночная экономика - это новации, изобретательность, широта взглядов, разрыв с традициями, с прошлым.

Четвертая пара противопоставляет судьбу активизму. При социализме действуют заданные правила, история идет в predetermined направлении. Провидение, судьба, шанс, безликие силы политики или механизмы принятия решений отвечают за судьбу человека. Люди, веря, что не могут участвовать в делах общества, влияют на свое благополучие., не хотят участвовать в общественной жизни, не видя реальных возможностей что-то изменить, четко зная цену риска и активности [26, р. 3—4]. Пассивность, апатия, установка "поживем, увидим" и синдром незаинтересованности - тоже симптомы этой культурной модели поведения. При смене режима эти формы адаптации становятся глубоко дисфункциональными. Демократическое общество, рынок требуют веры в силу, в безграничные возможности, в результативность усилий людей, готовность рисковать, решимость.

Пятая противоположность - мифы и реалии. При социализме в противовес мирским рациональным аргументам как защитная реакция действует тенденция создания мифов, религиозных, идеологизированных форм мышления. Люди подменяют тяжкую реальность мечтами, видениями, идеализацией традиций, утопиями надежд и стремлений, ждут чудес, обращаются к волшебным стратегиям и вере в сверхъестественные помощь, защиту (культ Девы Марии в Польше). Капитализм, напротив, основан на "демифологизации мира" (Вебер), на рациональности, холодном счете прибылей и убытков, вере в науку и технику, эффективную организацию. Несовместимость правил "блоковой культуры" и принципов капитализма, демократии породила культурный шок, создав благоприятные условия для травмы.

Полярность, описанная выше, это, в первом приближении, общее всех посткоммунистических обществ. Но задолго до 1989 г. в каждом из них в разной мере были альтернативные культурные комплексы: национальные культурные традиции, влияния глобальной западной культуры. Различная степень этих влияний вела к разнообразию стран, принадлежавших к коммунистическому блоку: Польша не была идентична ГДР, Венгрия - Румынии, Чехословакия - России. Некоторые локальные культуры были более готовы к демократическим, рыночным институтам (Чехия), некоторые были абсолютно несовместимы с ними (Россия, см. [23, р. 188. 15, р. 3]). Одни страны культивировали национализм, пытаясь сохранять пусть ограниченный суверенитет, другие мирились с советским господством. Некоторые страны сохранили религиозные традиции и Церковь как альтернативный центр власти (польский католицизм), другие были весьма секуляризованы (ГДР, Чехословакия).

Различалась сила влияний культуры Запада. Ее незримо перенимали вместе с институтами модернизации: индустрия, города, образование. Конечно, у "социалистической" модернизации отсутствовали важные политические и экономические компоненты. Но и эта "поддельная модернизация" [24] имела важное культурное влияние [23, р. 200-201]. Это можно назвать "теорией конвергенции", сравнивать с Троянским конем коммунистического строя. Компоненты западной культуры также проникали через семейные связи, диаспоры, СМИ, личные связи, туризм и т.д. - с разной интенсивностью, зависевшей от контроля властей. Можно говорить о канале глобализации,

проникновения культуры демократии, капитализма в коммунистические общества за-долго до развала системы.

В Польше был ряд обстоятельств, делавших культурный шок 1989 г. менее тяжким. Это традиция национализма, кристаллизовавшаяся в XIX в. после разделов Польши, усилившаяся в ходе жестокого подавления борьбы поляков за независимость и обостренная Второй мировой войной и нацистской оккупацией. Традиция католицизма обрела сильную политическую роль в периоды национальных бедствий и после Второй мировой войны. Прозападная ориентация выражалась принятием христианства через римско-католическую (не православную) церковь, в политических связях с западными монархиями и контактах аристократов с культурой и искусством Франции, Италии. Ближе к современности велика роль польской диаспоры, - более десяти миллионов в США, Канаде, Австралии и других странах.

После Второй мировой войны развился тип "польской избранности", смягчавший влияние блоковой культуры. Одно его проявление - сохранение примитивного частного сектора экономики; семейные фермы, мелкие частные предприятия позволили выжить предпринимательской культуре. Другое - либеральная политика по отношению к костелу, большая свобода религиозных служб, религии в школах, право распространять независимые издания (еженедельник "Tygodnik Powszechny") и даже независимый университет в Люблине. Третьей особенностью была открытость Западу в живописи, литературе, музыке, театре, кино и науке. Творческая и научная элита часто получала образование на Западе и сохраняла контакты с западными коллегами и учреждениями.

Ближе к 1989 г. проявился относительно либеральный климат для политической оппозиции. Демократическая оппозиция второй половины 70-х, нелегальные печатные издания, культурные инициативы готовили почву для "подпольного гражданского общества". Опыт Солидарности дал запомнившийся урок активности, долга, гражданской ответственности и революционного подъема не только активистам оппозиции, но и простым людям. В итоге баланс блоковой культуры, национальной культуры и влияния Запада оказался благоприятнее для институтов демократии и капитализма в Польше, чем в других странах региона. Культурный шок был смягчен. Но даже здесь крах системы вел к аномичным культурным состояниям, расстройству нормального хода вещей, неопределенности.

На общем фоне по-разному переживаемых культурной амбивалентности, подвижек возникли потенциально травмирующие факторы. Вот некоторые из них. 1. Безработица, неизвестная в коммунистический период. 2. Высокая инфляция - 35-40% в год [21. № 22]. 3. Резкое падение уровня жизни. 4. Переворот стратификационных иерархий и деградация ранее привилегированных групп. 5. Временный крах правоохранительных учреждений. 6. Интенсивный приток иностранцев через границы в "немецкое Эльдorado". Безработица, инфляция, преступления и т.д. становятся травмами, если конкретные группы их определяют как таковые и эти определения через СМИ входят в общественные дебаты, в идеологию партий и движений. Являются ли события травмирующими или нет, зависит от референтной рамки. Событие (ситуация) становится полной травмой, чем-то разрушительным, шокирующим, болезненным лишь по отношению к нормам, стандартам упорядоченности. Факты фильтруются символическими, разделяемыми коллективом (т.е. культурой) линзами.

У польской культуры богатые ресурсы позитивной интерпретации последствий краха коммунизма и объяснения, рационализации, ослабления воздействия неблагоприятных, потенциально травмирующих событий, как неизбежных, но временных "проблем переходного периода", как должной цены большой победы. Глубокие традиции национализма, дав готовые рамки "вновь обретенному суверенитету" и интерпретацию перемен в терминах, выраженных лозунгом: "теперь мы у себя дома", позволили избежать неудобств в этом доме, уменьшить их. Другая традиционная ориентация поляков: сильные прозападные установки, даже фетишизация Запада как царства политической свободы и экономического изобилия, - выразилась в идее "присоеди-

нения" к Европе, "возвращения" в нее, позволив забыть о преградах на пути. Третий базовый элемент польского культурного наследия - католичество - позволил ускорить возврат к западному христианскому миру, облегчить культурно-идеологические трудности, связанные со всплеском потребительства и гедонизма. Энтузиазм этих стремлений глубоко вплетен в польскую традицию, изолируя общество от "мук переходного периода". Эти три культурных мотива создали ресурс интерпретации перемен как "прогрессивного нарратива" (Дж. Александер).

Несмотря на изоляцию отдельных групп, большинство общества еще было во власти "блоковой культуры". Поскольку эта культура превалировала, потенциальные травмы (безработица, незащищенность, рост преступности и т.д.) легко травмировали, как только вторгались в привычные культурные ожидания блоковой культуры. Эта культура не давала рецептов их преодоления. Не удивительно, что люди чувствовали фрустрацию и беспомощность. Особо вредный компонент блоковой культуры, делающий восприятие перемен невыносимым, - комплекс прежде гарантированной защиты от безработицы, минимума социальных услуг (здравоохранение, образование, отдых, забота о детях, пенсии); вера, что эти услуги должны предоставляться равномерно. Людям навязали идею, что они вправе претендовать на все это независимо от вклада в благо общества. Когда новый капиталистический рынок ввел конкуренцию, индивидуализм и резкую дифференциацию достижений, когда демократическое, либеральное государство ушло из разных сфер жизни, отдав их в частные руки, широкие слои сочли это нарушением обязательств государства, нарушением общественного договора. Традиция эгалитарного патернализма и ожиданий социальной защиты предоставила символические культурные ресурсы обозначению постреволюционных перемен как "трагического нарратива" (термин Александера).

Только трансформация культуры дает шанс появиться другим определениям этих событий: неизбежная цена, жертвы на пути к демократии и обществу западного типа, а с ними - новые варианты стратегий совладания с травмой. Интересно: чем сильнее группы и слои объективно подвергаются "мукам переходного периода" и чем заметнее у них следы блоковой культуры (например, рабочие, рабочие госпредприятий), тем большее они уделяют внимание трем символически и этически окрашенным культурным темам: безопасность, равенство, справедливость. Напротив, успешно адаптирующиеся и принявшие демократическую, капиталистическую культуру группы обращаются к идеям индивидуальной свободы, прагматизма, эффективности и процветания [16, № 15].

Эти различия - решающие для значений, придаваемых процессу посткоммунистического перехода. Некоторые авторы отмечают четкую поляризацию: А) преуспевшие в новых условиях, готовые и способные использовать новые возможности истолковывают происходящее как "модернизацию", "присоединение к Европе", "цивилизационный процесс"; Б) теряющие статус придают процессу совершенно иное значение: "распродажа страны" иностранным корпорациям, "заговор бывших коммунистов", "культурный империализм", растворение национальных и католических ценностей в космополитической, глобальной культуре. Разброс значений входит в политические программы, им пользуются партии и политические предприниматели, приводит к изытк партий, - от крайне правых до крайне левых.

Отношение к переменам определяет новые социальные разделы. Исследование (1991 г.) в промышленной Лодзи А. Мизалька выявило, что лишь 7,9% "полностью удовлетворены переменами и ожидают только продолжения курса" [19, р. 93-106]. Различные факторы экзистенциальной неуверенности, на фоне культурных подвижек и неуверенности интерпретируемые и определяемые с помощью наследуемых референтных рамок, ведут к разнице проявлений культурной травмы. Можно выделить пять симптомов травмы, распространенных после 1989 г. в польском обществе. 1. **Синдром недоверия.** После восторгов и энтузиазма появляется "синдром следующего утра". После пика доверия первому демократическому правительству Т. Мазовецкого доверие к институтам власти неуклонно падало при одном исключении - армия, сохраняющая достаточно высокий уровень доверия (75-80% - феномен, беру-

щий начало в истории). 2. **Мрачный взгляд на будущее** - симптом культурной травмы. В 1991 г. только 13,6% респондентов в Лодзи считали направление перемен правильным [19, р. 50]. Страх, тревоги подтверждает список проблем, больше всего волнующих людей; 73% из-за отсутствия перспектив у детей (CBOS Bulletin, январь, 1993). 3. **Ностальгия по прошлому**. На вопрос о личном благосостоянии 53% отвечали, что стали жить хуже [13, 17 июня 1994]. Оценивая три года после перелома, около половины респондентов считали, что при социализме люди были более удовлетворены [13, 28 июня 1994]. 4. **Политическая апатия**, высокий электоральный абсентеизм. Численность новых политических партий невелика. Это "диванные партии" с непомерными ожиданиями лидеров. Проявления гражданской инициативы редки, самоуправление не развито, подмято административной бюрократией. 5. **Посткоммунистические травмы коллективной памяти**, переоценка коммунистического прошлого и роли людей, в различной степени поддерживавших режим того времени. Группы, пострадавшие от перемен, ставили вопрос ответственности, возмездия и реванша. Правые подняли лозунги "декоммунизации" и "очищения", не утруждаясь доказательствами, разумным сомнением, должным судопроизводством, "властью закона" [9, р. 29]. Здесь размах и интенсивность дебатов показывают травму коллективной памяти.

Сталкиваясь с травмами, люди прибегают к разным стратегиям их преодоления. Изложу эти стратегии по типологии адаптации к аномии, разработанной Р. Мертонем [17, 1996 (1938)]. **Инновационные стратегии**. Люди принимают системные изменения как необратимое данное, пытаясь менять свое положение в системе для смягчения травмы. После 1989 г. мы видим **накопление экономического капитала, социального капитала**, межличностных ресурсов как трамплина для начала карьеры или подъема уровня жизни; наконец - настоящий бум образования. По Мертону выделим как форму адаптации ретраитизм, - уход от травмы в пассивность, смирение и маргинализацию. Многие, столкнувшись с изменениями и неопределенностью в жизненном мире, говорят о роке, принимают провиденциализм, занимают выжидательную позицию. Некоторые винят капитализм и демократию за тяжелое настоящее, ностальгируют по прошлому. Широко распространены теории заговора международных корпораций, глобальных финансовых рынков, Дж. Сороса, чиновников Европейского Союза. **"Ритуализм"** (также термин Р. Мертона) - это случаи обретения уверенности через традиционные образцы поведения, даже если в новых условиях они ведут в тупик. Все типы адаптаций — инновационная, ретраитистская, ритуалистская - это принятие новой системы и стремление лишь найти лучшую нишу для себя или своей группы. Четвертая стратегия отличается радикальностью, попытками смягчить травмы атакой на фундамент системы под лозунгом возврата к коммунистическим (социалистическим) институтам или "третьим путем", "золотой серединой", соединением эффективности капитализма с социальной защитой при социализме. По Мертону назовем эту адаптацию "бунтом". В Польше радикальными формами такой ориентации стали блокады частью крестьян дорог и границ, уничтожение транспорта с импортным продовольствием, манифестации в поддержку протекционизма, ограничения конкуренции, отдаления от Западной Европы, отказа от вступления в Евросоюз и возврата к традиционному провинциальному анклаву на окраине Европы. Еще одна форма адаптации - анархизм.

Вопреки ожиданиям пессимистов, относительно скоро травма посткоммунизма вступает в стадию излечения. В Польше в середине 90-х меняется большинство негативных тенденций, исчезают некоторые симптомы травм. Наиболее очевидны перемены в сфере доверия. Синдром недоверия после 1989 г. уступил место обратной тенденции, особенно доверия в обществе к институтам демократии и рынка. Впечатляет стабильный рост доверия Президенту, росло доверие к СМИ. После кризиса доверия к церкви началось его восстановление.

Типично в экономическом поведении доверие к рынку. Изменился характер инвестиций: от кратковременных спекуляций ради быстрой выгоды к долгосрочным предпрятиям с отдаленными перспективами дохода. Люди отказались от иностранных

валют в сфере сбережения, валютные вклады упали с 36% в 1991 г. до менее 6% в 1997 г. [10, 1997, № 145, р. 4]. Весьма популярно добровольное индивидуальное страхование жизни. Менялись расходы. Люди чаще берут ссуды, используют сбережения на строительство домов, для образования. Заметно меняются **планы на будущее** и восприятие прошлого. О будущем 50,1% респондентов думают с надеждой, с беспокойством 21,6%. Эти данные моего исследования соотносятся с общенациональным исследованием, показавшим, что в 1993 г. лишь 18% респондентов считали, что будущий год для них станет удачным. В 1997 г. их число увеличилось до 30% [10, 1998, № 8, р. 11]. Нет всеобщей тоски по прошлому. Конечно, данные по социально-экономическим стратам различны. Ориентированный на будущее и ретроспективный оптимизм присущ скорее добившимся успеха и связывающим его с посткоммунистической трансформацией. С надеждой смотрят в будущее 60,4% респондентов, принадлежащих к экономической элите, против 30,1% безработных и лиц с низкой зарплатой. 58,5% высокообразованных и 42,8% необразованных респондентов ждут улучшения ситуации. В целом, небольшой авангард динамичных, ориентированных на будущее оптимистов, по-видимому, становится значимой социальной силой, влияет на остальное общество. Намного реже стали случаи политической апатии. Растет уровень участия в выборах. На парламентских выборах 1997 г. он превысил 50%, а на местных выборах 1998 г. достиг 50%, практически удвоившись после 1994 г. Местное самоуправление, растущая сеть неправительственных организаций и ассоциаций делают возможной более высокую гражданскую активность.

Как объяснить смену тенденций и заживление травм? Если мои теоретические выкладки по этиологии посткоммунистической травмы значимы, возможны три варианта ответа. 1. Травмирующие ситуации, воспринимаемые как непосредственные факторы травмы, исчезают или, по крайней мере, видоизменяются, теряя значимость. 2. Необходимо показать, что стратегии преодоления травмы, или, по крайней мере, некоторые из них, действительно обладают исцеляющим действием. 3. Необходимо показать, что культурная амбивалентность или раскол между наследием блоковой культуры и возникающей демократической и капиталистической культурой более не актуален, а культурные определения "мук переходного периода" как травматических поэтому маловероятны. Рассмотрим их.

Видимо, наиболее важен фактор устранения постреволюционной аномии - рост восприятия успеха демократических и рыночных реформ. В политике важнейшим достижением стало принятие в 1997 г. конституции, повторившей лучшие образцы западного конституционализма. Другим достижением стал многократный переход власти посредством выборов ("критерий демократии" Х. Линца [в: 22]), доказавший, что фундамент парламентской демократии работает. Конституционный Суд исправлял несовершенные законы; его глава - уважаемый государственный деятель. Отдел жалоб граждан на правительственных чиновников весьма активен в защите гражданских прав; свободные, независимые СМИ делали прозрачной политическую жизнь, выявляли злоупотребления властью. Демократия укрепляет чувство стабильности, безопасности, ответственности и прозрачности, необходимые для преодоления тревоги, недоверия, пессимизма и апатии.

Вторым фактором стал подъем экономики. Предприниматели прошли путь от мелкой торговли на улице и незаконных финансовых спекуляций до крупных промышленных предприятий. Стабильность и устойчивость торговли, безопасность деловой среды способствуют экономической жизнедеятельности. Польша обогнала другие посткоммунистические общества. Рост ВВП достиг 6,1% в 1996 г., 6% в 1997 г. и почти того же уровня в 1998. Инфляция упала. Макро-успех сказался на микро-уровне. Выигрыш от реформ начал превышать их цену. У многих категорий граждан выросли зарплата, благосостояние, иногда они обретали и настоящее богатство. Новое качество жизни, легкий, привлекательный "цветной" жизненный мир воспринимаются большей частью общества с оптимизмом. Следующая группа факторов, способствующих преодолению травмы, связана с **ростом личного и социального капи-**

тала, находчивости, по крайней мере, значительной части населения. В Польше появился многочисленный богатый средний класс, чувствующий себя уверенно [20]. Благодаря стремлению к высшему образованию, невероятно повысились уровень подготовки, общая компетентность. С быстрым увеличением добровольных ассоциаций, клубов и организаций растет социальное участие, ширятся личные сети, придавая людям чувство безопасности.

Помимо новых форм личного и социального капитала, есть традиционные источники, успешно применяемые в новых условиях. Прочные дружеские, партнерские связи, сети знакомств унаследованы из коммунистического периода, когда внутренняя ссылка, уход в частную жизнь и "аморальная семейственность" [6] были средствами адаптации. На вопрос о секрете деловых успехов крупные польские предприниматели почти единодушно отмечали личные связи - даже чаще, чем капитал. "Хорошие связи" как решающий или очень важный фактор жизненного успеха выявило и другое исследование [16]. Еще один источник — сильная расширенная семья. Она страхует от несчастий, помогает воспитывать детей, позволяя родителям удовлетворить потребность в образовании и профессиональной карьере, сборе денег на новое предприятие. Третий, возможно менее явный источник — церковная община.

Благоприятны внешние обстоятельства. Желание НАТО расширить альянс на Восток, американская поддержка стремлений Польши привели к принятию Польши в 1999 г. в НАТО. Перспективы прочной безопасности и политического суверенитета кажутся достигнутыми. Другим процессом, возможно, позволяющим смягчить травму, является длительный экономический бум на Западе, особенно в США, который, по-видимому, продолжится. Это означает наличие свободных ресурсов и интерес иностранных инвесторов к новым рынкам. Польша опередила страны региона в накоплении прямых иностранных инвестиций - 20,3 миллиардов американских долларов к декабрю 1997 г. (International Herald Tribune, June 24, 1998, p. 12). В течение нескольких лет этот решающий фактор поддерживал Варшавскую фондовую биржу, продажа госсоблагодатных иностранным банкам помогла сократить дефицит.

Конечно, не все стратегии работают. Законные инновационные стратегии помогают преобразовать травмирующие ситуации, в то время как нелегальные инновации (коррупция, преступления, мафия) усиливают неопределенность и аномию. Подобное негативное, контрпродуктивное воздействие имеют стратегии бунта, в то время как ретрагистский и ритуалистский типы адаптации в этом отношении более нейтральны, им недостает способности немедленно воздействовать на травмирующую ситуацию. Так, общее значение стратегий преодоления зависит от соотношения различных реакций на травму. По-видимому, в Польше инновационные стратегии, направленные на получение экономического и социального капитала, широко применялись, что частично разъясняет снижение остроты травмирующих ситуаций.

Тем не менее, общий фон **культурной амбивалентности или раскола** между наследием "блоковой" культуры и демократической рыночной культурой должен быть объяснен. Только если это наследие постепенно исчезнет или пропадет, можно ждать прочного излечения посткоммунистической травмы. Здесь наиболее значимое действие оказывает неизбежная смена поколений. Носителями культурного наследия являются поколения, которые социализировались, обучались в определенной среде. Это значит, что мощное наследие блоковой культуры, взятой из предшествующей истории и усвоенной поколениями, жившими при коммунистах, может терять действенность для новых поколений, выросших в условиях демократического, рыночного общества, что и происходит в посткоммунистических обществах.

Я пытался применить понятие культурной травмы и гипотезы, касающиеся ее этиологии и динамики, представленные в первой части статьи, к конкретному историческому явлению. По-видимому, факты и данные, связанные с появлением и преодолением постреволюционной травмы в Польше после 1989 г., подтверждают теорию. Но это частное подтверждение, поскольку само явление представляет собой специфический тип травмы. Это объясняется тремя обстоятельствами. Во-первых,

травма вызвана позитивным опытом: долгожданной победой над коммунистическим режимом. Это явный аналог "аномии успеха" Дюркгейма [11], негативное следствие успешной и обнадеживающей революции. Но существуют другие типы травм, вызванных бедствиями, кризисами, распадами: проигранными войнами и революциями, крахом рынка и т.д.; их динамика может заметно отличаться. Во-вторых, в нашем случае травма оказалась кратковременной. Уже несколько лет мы отмечаем смягчение и преодоление травмы в ответ на эффективные стратегии преодоления и благоприятные обстоятельства. Очевидно, не все травмы относятся к этому типу, и продолжительные травмы, длящиеся несколько поколений, могут иметь абсолютно иные свойства. В-третьих, описанная мной травма позитивна в процессе "культурного морфогенеза" [5]. Она раскручивает спираль реконструкции культуры и, в конечном счете, ведет к внедрению нового культурного комплекса. Но травмы могут обладать и иным действием, положить начало спирали культурного разрушения и вести со временем к упадку и полной дезинтеграции культуры. Чтобы стать общей, не исторически специфической, теория культурных травм должна иметь дело с различными типами ситуаций.

Перевод В.В. РЕПЬЕВА и Н.В. РОМАНОВСКОГО

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Alexander J.C.* Citizen and Enemy as Symbolic Classification: On the Polarizing Discourse of Civil Society // *M. Lament, M. Fournier (eds.). Cultivating Differences: Symbolic Boundaries and Making of Inequality.* Chicago. 1992.
2. *Alexander J.C.* Civil society I, II, III: Constructing an Empirical Concept from Normative Controversies and Historical Transformations // *J.C. Alexander (ed.). Real Civil Societies.* L. 1998. P. 1-19.
3. *Alexander J.C., Smith P.* The Discourse of American Civil Society: A New Proposal for Cultural Studies // *Theory and Society.* 1993. № 22. P. 151-207.
4. *Archer M.* Culture and Agency. Cambridge. 1986.
5. *Banfield E.C.* The Moral Basis of a Backward Society. NY., 1967 [1958].
6. *Bellah R. et al.* Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life. Berkeley. 1985.
7. *Bellah R.N., Madsen R., Sullivan W.M., Swidler A., Tipton S.M.* The Good Society. NY., 1991.
8. *Berlin I.* Against the Current: Essays in the History of Ideas. L., 1979.
9. *Brown J.F.* Goodbye (and Good Riddance?) to De-Communization // *Transitions.* 1997. № 2. P. 28-34.
10. CBOS Bulletin = издание Центра изучения общественного мнения в Варшаве.
11. *Durkheim E.* Suicide. NY., 1951.
12. *Ekiert G.* The State Against Society: Political Crises and their Aftermath in East Central Europe. Princeton. 1996.
13. GW = *Gazeta Wyborcza* - ежедневная польская газета под ред. А. Михника.
14. *Habermas J.* What Does Socialism Mean Today? The Rectifying Revolution and the Need for New Thinking on the Left // *New Left Review.* 1990. September-October. № 183.
15. *Lepniewski W.* Social Surprises: Germany in Europe, Three Years after the Revolution. Berlin (mimeo). 1992.
16. *Marody M.* Ed. *Oswaianie rzeczywistosci.* W-wa, 1996.
17. *Marody M.* Antynomie społecznej podświadomości // *Odra.* 1987. № 1. P. 4-9 (reprinted in *Studia Sociologiczne.* №2).
18. *Merton R.K.* Social Structure and Anomie // *P. Sztonmka (ed.), Robert K. Merton on Social Structure and Science.* Chicago, 1996 [1938].
19. *Miszalka A.* Reakcje społeczne na przemiany ustrojowe. Lodz. 1996.
20. *Mokrzycki E.* A New Middle Class? // *C. Bryant, E. Mokrzycki (eds.), Democracy, Civil Society and Pluralism.* W-wa, 1995. P. 219-238.
21. Poland: An International Economic Report. Warsaw, 1993/1994.
22. *Przeworski A. et al.* Sustainable Democracy. Cambridge, 1995.
23. *Resinger W.M., Miller A.H., Hesli V.L., Maher K.M.* Political Values in Russia, Ukraine and Lithuania: Sources and Implications for Democracy // *British Journal of Political Science.* 1994. April. P. 183-224.
24. *Sztonmka P.* The Intangibles and Imponderables of the Transition to Democracy // *Studies in Comparative Communism.* 1991. № 3. P. 295-312.
25. *Sztonmka P.* Civilizational Incompetence: The Trap of Post-Communist Societies // *Zeitschrift für Soziologie.* 1993. № 2. April. P. 88-95.
26. *Thompson M., Ellis R., Wildavsky A.* Cultural Theory. Boulder, 1990.
27. *Tischner J.* Polski młyn. Krakow, 1991.
28. *Zaslavsky V.* The Neo-Stalinist. Armonk, 1994.